

18+

Наталья
[сина

Волжеская
РАПСОДИЯ

«Музыкальные истории»

Наталья Есина
Волжская рапсодия
Серия ««Музыкальные истории»
Натальи Есиной», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69580615

SelfPub; 2024

Аннотация

Дарья сбегает от мужа-абыюзера в городок на берегу Волги, где когда-то побывала, путешествуя на теплоходе в составе бригады музыкантов. На Дне города знакомится с Дмитрием – успешным архитектором. После расставания с женой он покидает Москву вместе с дочерью. Общение героев начинается без слов, посредством музыки. Отношения Дарьи и Дмитрия осложняются появлением Германа: супруг разыскал Дарью и не собирается уступать ее другому.

Содержание

Глава 1. Кинешма	4
Глава 2. Москва-Кинешма	30
Глава 3. Углич	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталья Есина

Волжская рапсодия

Глава 1. Кинешма

Вечернее июньское солнце освещало сквер. Дети катались на самокатах, пенсионеры на лавочках увлеченно строили предположения во сколько на самом деле обошлась реконструкция площади. У переносного киоска с мороженым молодежь громко обсуждала предстоящий концерт: в десять часов ожидалось выступление кавер-групп из Иваново, Кинешмы и Ярославля. У Красных рядов тянулись палатки выставки-продажи «Город мастеров», трепещущие от ветра, как натянутые нейлоновые паруса.

Дарья вышла из такси и оглядела площадь. Деревянные скамьи перед высокой сценой заполнялись людьми. На самой сцене расставленные полукругом ряды стульев пустовали. Пустовало и место за черным роялем.

«Забавно: никто и не подозревает, что очень скоро всех здесь накроет невидимым шатром, сотканным из гениального музыкального полотна. Другое измерение возьмет в плен житейскую суету и сконцентрирует на кончике дирижерской палочки дыхание времени. И я причастна к этому таинству... Хорошо, что мое имя в афише не указали: Альберт

Игоревич выполнил договоренности. Надеюсь, меня никто не узнает. Главное, общения с прессой избежать. Отыграем, сразу ухожу!»

***

За день-два до выступления она обычно погружалась в состояние, которое сама называла «междумирьем». Внутри невидимый метроном отсчитывал часы до выхода на сцену. Дарья проваливалась в созерцательное состояние: временами в голове звучала то одна, то другая тема из произведений, входящих в программу концерта. На них наслаивались ощущения, обладающие вкусами, ароматами, цветом: своеобразные мерилы выбора трактовки исполнения. Выкристаллизовывалось видение того, как именно надо преподнести то или иное произведение в зависимости от внутренней наполненности.

О пианизме Дарьи Мухиной писали, что он непостижимым образом рисует в воображении слушателей объемные картины, причем, каждый видит что-то свое. Дарья статей о себе не читала; она вообще панически боялась давать интервью: обязательно задавали этот треклятый вопрос!

– Скажите, Дарья, в чем ваш секрет: как вам удастся настолько вовлечь зрителей в миры вашего самобытного исполнительского мастерства?

Дарья терялась, начинала мямлить: ну, не понимает она, как, не вызвав недоумения, объяснить, что буквально осяза-

ет уникальность стилей каждого композитора? Иоганн Себастьян Бах представлялся гигантским акведуком, по разветвлению желобов которого текло расплавленное золото. Моцарт мерцал мириадами спрятанных в раковинах на дне океана перламутровых жемчужин. Шопен то благоухал крупной пятилепестковой сиренью, то заливался соловьиной трелью в вечернем парке.

Сегодня под пальцами Дарьи рояль ударит тревожным колокольным набатом; ее игра вознесет на вершины гор, чтобы показать, как из бесконечной прорези между морем и небом восходит пылающее солнце; заставит совершенно разных людей видеть смутно знакомые лица и лики; разобьет об острые скалы опустошения и возродит дуновением бриза, отдающего слабым запахом водорослей.

Дарья прекрасно знает, как добиться такого звучания, она делает это мастерски. Это гораздо легче, чем совладать с животным страхом, сковывающим наручниками по рукам и ногам при одной мысли о муже.

***

Дарья пересекла площадь и мельком взглянула на большой экран перед торговыми рядами, на котором менялись кадры. По широкой Волге в солнечных бликах скользил круизный теплоход. Следом с высоты птичьего полета развернулась панорама Кинешмы: из густого осеннего тумана выплы-

ла выдвинутая к береговому откосу белокаменная пятиярусная колокольня, и кажется, что держит она за руки Успенский и Троицкий соборы, соединяясь с ними в дружный хоровод; изогнулся дугой Никольский мост через Кинешемку; засияла огнями новогодняя елка на заснеженной площади Революции.

«Почти такую же гигантскую елку год назад во дворе нашего загородного дома поставил Гера. Помню его довольный вид, когда гости называли ее “Кремлевской”. Пижон! Ненавижу... – Дарья резко остановилась, достала из сумки бутылку с водой и сделала глоток: – Как заезженная пластинка: Гера-Гера... Не хватало еще из-за него настрой потерять. – Она протиснулась между хохочущими парнями и заспешила к торговому центру: – Сначала переоденусь в концертное платье. Потом кофе, кофе и, еще раз, спасительный кофе».

***

Они сидели за столиком летнего кафе. Теплый ветер разносил по бульвару сыроватый речной запах. Дмитрий вытер салфеткой измазанный кремом нос дочери и посмотрел на часы:

– Так, Данька, заканчивай сеанс чревоугодия: мне еще надо с потенциальным заказчиком пересечься.

Дана нахмурилась:

– Папка, ты можешь хотя бы в День города о своей работе не думать?

– Не бурчи. Всего лишь деловой ужин.

– Вот! – торжествующе воскликнула Дана, – «деловой», значит по делу, а не просто потусить.

– «Потусить» – это про вас с Петром. Кстати, что-то я его на твоём выступлении не видел?

Дана с шумом втянула коктейль из трубочки:

– Я его не приглашала.

– Почему?

– Строит из себя умного: сказал, что я «Лебедя» Сен-Санса¹ слишком быстро играю.

– Да, вроде, ты сегодня хорошо все пьесы исполнила.

– Вот именно! – Дана смачно рыгнула.

– Данька! – одернул ее отец.

– Что естественно, то не безобразно, – парировала дочь.

– Это кто ж тебе такое сказал?

– Твой Петр.

– Эх, иногда жалею, что слишком многое тебе позволяю.

Дана похлопала отца по плечу:

– Поздно, папочка, перевоспитывать меня: твоя дочь давно уже не ребенок.

Дмитрий усмехнулся:

– Да? А сладкое уплетаешь, как маленькая.

– Эту невинную слабость я решила взять с собой во взрослую жизнь.

---

¹ К. Сен-Санс «Лебедь» – пьеса из зоологической фантазии «Карнавал животных» (для камерного ансамбля или для фортепиано с оркестром)

Дмитрий жестом пригласил официанта, расплатился, встал, надел пиджак:

– Инструмент не забудь.

Дана допила второй стакан коктейля, запихнула в рот пирожное и захлопала длинными ресницами:

– Папуль, я так устала. Понесешь саксофон?

Дмитрий сделал серьезное лицо:

– Я предлагал его в машине оставить? Предлагал. Не послушала отца, вот и неси свой домик, взрослая улитка.

Дана фыркнула:

– Ну, и понесу, – встала и, побряхтывая, надела на плечи внушительных размеров коричневый кожаный короб.

Когда они шли по Волжскому бульвару, в портфеле у Дмитрия зазвонил мобильный.

– Не бери: опять тебя от меня отвлекут! – взмолилась Дана, сложив ладони лодочкой. Дмитрий принял вызов:

– Добрый вечер, Альберт Игоревич, – и поднес губам указательный палец левой руки, предвосхищая следующую реплику дочери.

– Голубчик, Дмитрий Алексеевич, выручайте, – жалобно отозвался в трубке Бескрайних. – Вы на машине?

– Да, на Рылеевской припарковался. А что случилось?

– О, вы меня премного обяжете, если выполните одно деликатное поручение. Так неудобно вас беспокоить, но подвела меня моя поясница.

– Что конкретно требуется?

– Вы сейчас где?

– По Волжскому идем в сторону площади Революции.

– И это замечательно! Вам даже машина не потребуется.

В «Речном» у администратора заберите, пожалуйста, посылочку. Он с понедельника в отпуск уходит, а передать может только лично в руки по моему звонку.

– Будем там через пять минут. Все сделаю, не волнуйтесь, Альберт Игоревич.

– О! Нижайше благодарю вас, голубчик, – откланялся Бескрайних.

– Где это мы будем, через пять минут? – Дана поджала губы.

– В «Речной» заскочим.

– Не хочу в «Речной», хочу у сцены хорошие места занять.

– Не думаю, что мы надолго задержимся, выполняя просьбу почтенного человека.

Дана остановилась, скинула с плеч футляр:

– Тогда тебе придется тащить мой домик: улитка выдохлась. – И добавила хныкающим голосом: – Ну, папочка, пожалуйста.

Дмитрий взял саксофон:

– Пошли побыстрее.

– И чур, в кафешку на втором этаже зайдем: я хочу брауни, панакоту и облепиховый чай.

– А как же хорошие места у сцены?

– Я все успею.

– А что насчет сладкого? Согласись: есть его в таких количествах – явный перебор.

– Неправда: в таких количествах оно придаст мне силы, и я снова смогу нести свой сакс.

Дмитрий остановился:

– В кого у тебя только так язык подвешен?

– Ты же сам всегда говоришь, что я – твоя дочь.

– Сдаюсь, – засмеялся Дмитрий, – так уж и быть: будет тебе панакота, но без брауни.

***

– Еще кофе?

Дарья вздрогнула. Перед ней склонился официант.

– Кофе? – переспросила, плотнее запахнув на груди шелковый палантин. – Лучше чай. Погорячей, пожалуйста.

– Минуту, – официант собрал пустые чашки на поднос и скрылся за барной стойкой.

Дарья взглянула на часы:

«Сергей Васильевич уже на месте, – и улыбнулась, вспомнив удивленное лицо дирижера, когда он осматривал ее джинсы с поперечными прорезами на коленках, футболку с принтом подмигивающего Петра Ильича Чайковского и легкомысленные сандалии. – Маэстро можно понять: затея с трех репетиций исполнить второй Концерт Рахманинова²

---

² С. В. Рахманинов Концерт № 2 до-минор для фортепиано с оркестром (соч.

попахивала авантюрой».

– Надеюсь, все у нас получится именно так, как расписал мне Альберт Игоревич. Я, конечно же, сильно рискую... – дирижер запнулся и повернулся к музыкантам, словно искал у них поддержки: – День города уже через неделю; на площади соберется, так сказать, весь Кинешемский бомонд, а тут такое.

Дарья уверенным жестом достала из папки склеенные скотчем ноты:

– Сергей Васильевич, не волнуйтесь, все будет хорошо: нас же сам Рахманинов³ благословил.

Со стороны виолончелистов послышался басовитый смех:

– Браво, зачетная шутка.

Немолодая первая скрипка прыснула, прикрыв рот рукой. Дирижер строго посмотрел на оркестрантов и перевел взгляд на Дарью:

– Что вы имеете в виду?

– Всего лишь ваши имя и отчество, – Дарья села, подкрутила ручки у банкетки, чтобы быть повыше, поставила ноты на пюпитр, откинула назад длинные волосы и положила руки на колени:

– Я готова.

---

18).

³ Сергей Васильевич Рахманинов (1873-1943 гг.) – великий русский пианист, композитор, дирижер.

Дирижер вдруг зычно расхохотался:

– Подумать только!

Музыканты одобрительно загудели. Сергей Васильевич вспорхнул на невысокий помост около рояля, поднял тонкую палочку – оркестр затих – и повернулся к Дарье:

– Думаю: мы с вами сработаемся.

***

Дарья вострепелась и посмотрела на часы. До начала выступления сорок минут. Подступило приятное волнение, похожее на предвкушение радостной встречи с кем-то очень родным, дорогим сердцу.

Она обожала сольники.⁴ Бывшая Гнесинская⁵ подруга всегда подсмеивалась: «Одним, Дашка, нужен регулярный секс, а тебе – выступления на публике. Ты когда долго в партере сидишь, чахнешь».

«Да, только музыка помогает хотя бы на время забыть о моей никчемной жизни. – Дарья давно смирилась с двойственностью существования: на сцене она чувствовала себя парящей зоркой орлицей. Повелительницей. Королевой. Но стоило попасть в домашнюю атмосферу, мнимые крылья быстро скукоживались, как горящая бумага, а от состояния полета оставалась жалкая кучка пепла. – О, нет! Опять заса-

---

⁴ Сольное выступление, сольный концерт – (разговорное)

⁵ «Гнесинка» – так в разговоре называют Российскую академию музыки имени Гнесиных (РАМ имени Гнесиных).

сывает в воронку воспоминаний о *нем*». – Жестом пригласив официанта, Дарья опустила денежную купюру в деревянный резной сундучок.

– Вам уже пора? – поинтересовался официант.

– Да.

– Что сегодня исполняете?

– Второй концерт Рахманинова.

– Удачи.

– Благодарю, – она встала, расправила платье, взяла папку с нотами и двинулась к выходу, стараясь не наступить высокими каблуками туфель на длинный подол.

У стеклянных дверей помедлила, раздумывая, стоит ли взять стакан воды, потом резко развернулась на носках туфель и уткнулась в грудь мужчине, успев заметить на лацкане его пиджака значок в виде белой чайки, распластавшей широкие крылья.

– Прошу прощения, – мужчина придержал Дарью за левый локоть.

– Ой, извините! – как-то по-детски выпалила она, ощущая сквозь ткань палантина тепло его руки, и снова подняла взгляд на мужчину. Его карие глаза улыбались.

– Еще раз простите за неловкость, – он отступил на шаг, пропуская Дарью.

Дмитрий смотрел вслед удаляющейся незнакомке: «Те самые духи. Смесь морского бриза и лавандовых полей Тоска-

ны». В ярко освещенном холле торгового центра ее платье с блестками напоминало серебристое облако.

Тщательно изгоняемые из памяти воспоминания хлынули в брешь, невольно пробитую едва уловимым сходством с женой. «Походка... Ее походка. Тонкая талия. Волосы. Волнистые. Темно-русые. И платье с легким фиолетовым отливом. Именно такое Марина надела в ресторан в тот день, когда призналась, что у нас будет ребенок».

– Красивая, правда? – восторженный возглас дочери вывел из оцепенения.

– Что? – машинально спросил Дмитрий.

– Наша историчка сказала бы: «Такому бриллианту место на светском приеме».

«Надо же, – отметил про себя Дмитрий, – с тех пор, как Марины с нами нет, Данька ни одну женщину не называла красивой».

– Или на красной дорожке кинофестиваля, – мечтательно договорила Дана.

– Твоя учительница бывала и там, и там?

– Ага, – дочь стянула кепку и взъерошила густые непослушные кудри, – Хотела бы я быть такой красоткой.

– Вырастешь и будешь.

– Пап, смотри, как лысый мужик с сумками на нее пялится, – хихикнула Дана. – Сейчас шею свернет. Или сам, или ему поможет толстушка, которая его тащит к киоску с мобильниками.

– Данька, что за разговоры?

Дана пожала плечами:

– Можно подумать, тебе она не понравилась.

– Так, еще слово, и мы уходим!

– А что я? Я – ничего. – Дана проскакала к свободному столику, скинула джинсовую куртку и плюхнулась на кожаный диванчик. Дождалась, когда отец сядет рядом. – Учти, папочка: чем быстрее сделаем заказ, тем быстрее ты пойдешь выполнять просьбу почтенного человека, а я – занимать места на концерт.

– Что-что, а в железной логике тебе не откажешь, – Дмитрий открыл меню.

– И в этом я тоже пошла в тебя.

Дана быстро расправилась с десертом и вскочила:

– Забегу в магазин сувениров: я там вчера у мужика сви-
стульки в форме котиков присмотрела. Буду под окнами Петькиной мамы ночью свистеть. – Дана, видимо, так понравилась собственная идея музыкальной мести, что она задрала голову и заржала, гарцуя на месте, как молодая кобылка.

Дмитрий переглянулся с официантом, стоявшим за барной стойкой, и нахмурился:

– Чем тебе так насолила Галина Викторовна?

– Можно подумать, ты в восторге, от того, как она к тебе клеится.

– Дочь, прекращай меня провоцировать.

Дана выпятила губы, вытянула шею и произнесла, растягивая слова:

– Дмитрий, сейчас же похвалите мои венские пирожные, иначе я просто умру-у. – Развернулась на пятках, скрипнув кроссовками, и пошла к выходу, нарочито виляя худыми бедрами. Остановилась, взглянула на отца через плечо и добавила в той же манере: – Ах, ах, я же просила вас называть меня «Га-ла».

Дмитрий не выдержал и рассмеялся. Дана присела в кокетливом реверансе и, пока отец вылавливал в недрах портфеля зазвонивший телефон, выбежала за стеклянные двери кафе в холл.

Дмитрий обсудил с секретарем организационные моменты предстоящей командировки в Ярославль и завершил вызов. Отпил эспрессо и поймал себя на том, что думает о незнакомке в вечернем платье: «Удивительная грация. Словно ожившая скульптура Ло Ли Жун⁶. Динамика ветра, несущего облака с дождевыми каплями».

Пиликнул мобильник. Всплыло уведомление из вацап. Дмитрий открыл мессенджер и прочитал сообщение от дочери: «Папка, тут такое!!! Она так круто играет!!!»

Уточнил: «Кто и во что играет?»

---

⁶ Ло Ли Жун (Ронг) – китайская художница и скульптор, создающая реалистичные скульптуры преимущественно из бронзы. Характерная особенность ее стилей: женская фигура в движении в развевающейся одежде или накидке, отлитой таким образом, чтобы создать эффект полупрозрачности.

Дана печатала ответ с минутой: «Девушка в длинном платье!!! Играет на рояле!!! С оркестром!!! Ну, та, которую мы в кафе видели!!! Красивая такая!!! Понял??? Это очень круто!!! Срочно подходи к сцене!!! Это просто каааайф!!!»

Дмитрий отложил телефон: «Сколько раз просил не пестрить знаками препинания в переписке: оглохнуть можно от крика».

Быстро набрал ответ: «Когда все закончится, подходи к машине».

«Ну, папка!!!»

Дмитрий убрал мобильник в карман пиджака: «Я что, мальчишка срываться с места и куда-то бежать?»

Эмоциональное послание дочери вдруг вызвало раздражение: Дмитрий не желал признаться себе, что хотел послушать игру пианистки, чтобы соотнести ее эффектную внешность с тем, как она смотрится на сцене. И одновременно хотел, чтобы его не впечатлило ее исполнение. Потому что в противном случае это будет попахивать предательством: мысли о совершенно чужой особе заслонят память о любимой жене.

***

Образ Марины за семь лет преобразовался в нечто возвышенное: ни одна женщина не смогла даже приблизиться к созданному Дмитрием идеалу жены и матери. Со временем за Роговым закрепилась репутация молодого вдовца, одиноко

стоящего на пьедестале, подобраться к которому не под силу даже самой искушенной красавице. И это мнение вполне устраивал Дмитрия. Так проще. Спокойнее. И не придется снова и снова переживать то, что пришлось пережить.

Он с досадой хлопнул по столу: «А в конце-то концов: что крамольного в том, чтобы сходить в День города на концерт? Какого черта я парюсь: разве меня это к чему-то обяжет? Почему я уже успел нарисовать в голове картину супружеской измены?!»

Дмитрий расплатился и вышел из кафе. На площади горели фонари. Объединившись с мягкой фиолетовой подсветкой на зданиях, они тщетно пытались прогнать вкрадчивые бархатные сумерки. Вдалеке выделялась ярко-освещенная сцена. Дмитрия поразила тишина: «Закончилось что ли все?»

Вдруг слуха коснулись набегающие откуда-то издалека мягкие звуковые волны. Дмитрий остановился и всмотрелся в чуть заметно задрожавшую площадь: «Показалось?» Его обволакивало марево. Он явственно увидел танцующую среди причудливо изогнутых мангровых деревьев Марину в короткой белоснежной тунике.

Фортепианная мелодия взлетела стремительной чайкой. Оркестр подхватил ее парение и заструился зыбью по поверхности океана. Бирюзовая вода преломляла солнечные лучи. Ослепительно белый песок вспыхивал искрами мелкой

ракушечной пыли.

«Пляж Валакири⁷. Нам еще тогда местные сказали, что не стоит слишком долго задерживаться на берегу в отлив, чтобы не попасть в коварные лапы обратного течения. А Марина все танцевала и танцевала. Пришлось утаскивать ее с пляжа чуть ли не силой. Мы тогда первый раз поссорились».

Кто-то дернул Дмитрия за рукав пиджака. Он, еще не придя в себя от видения наяву, с удивлением узрел перед собой лицо дочери: «Странно: как это я оказался у скамеек перед сценой?» Дана сидела с краю на втором ряду. Двумя руками притянув отца, усадила на свободное место рядом с собой и шепнула на ухо:

– Че ты так долго-то? Щас финал уже будет.

Дмитрий не ответил. Взглянул на пианистку. Ниспадающие волнистые пряди полностью закрывали ее лицо. А он очень хотел увидеть то, что оно сейчас выражает. Именно сейчас. И не только лицо, а всю ее хотел он видеть! Как 3D-модель, которую можно держать в руках и рассматривать. Глаза. Нос. Губы. Шею. Грудь. Живот... Несвоевременную мысль о том, что он жаждет видеть пианистку обнаженной, мгновенно унесло мощным оркестровым потоком. Мелодия упруго замаршировала, потом растворилась в легком пассажном движении и почти сразу закачалась на волнах фортепианных переливов легкой лодочкой.

Зазвучали требовательные валторны, очерчивая рельеф-

---

⁷ Пляж Валакири находится на востоке острова Сумба в Индонезии.

ный горный пейзаж. Дмитрий отчетливо увидел, как вспышки молнии насквозь пронизывали черное южное небо, вонзая острые копыта в расщелины скал. Гул морских волн соединялся с громовыми раскатами, вселяя тревогу, граничащую с животным страхом перед величием разгневанной стихии.

Дмитрий встал. Прошел к последнему зрительному ряду и остановился. Он хотел увидеть всю сцену в объеме: и оркестр, и пианистку. Дирижер раскачивался на возвышении. Его палочка парила в воздухе. Руки пианистки скользили по клавиатуре. Звучание рояля то сливалось с протестующими оркестровыми стонами, то яркими всполохами выделялось на фоне отдаленных возгласов деревянно-духовых инструментов. И вдруг оно понеслось в бешеном ритме, заставив сердце Дмитрия неистово колотиться.

«Невероятно! Эта музыка берет в плен. Какой масштаб! Какая стройность! Гигантским небоскребом она взирает на город с высоты птичьего полета. Живой исполин дышит, говорит с тобой, требует, злится, обижается. И прощает».

Вслед за финальными аккордами оглушительной лавиной грянули овации. Зрители встали. Дмитрий тяжело дышал. Оглянулся – площадь за ним заполнена людьми так, что яблоку негде упасть. Все скандировали «Браво!». Дмитрий не хлопал. Он во все глаза смотрел на пианистку. Она медленно встала. Поклонилась зрителям. Повернулась к оркестрантам. Поклонилась им и дирижеру и пошла к ступенькам. Спустилась, придерживая полы сверкающего в свете софитов пла-

тъя, и скрылась в сумраке. Аплодисменты и крики «Браво!» и «Бис!» не смолкали. К Дмитрию подбежала Дана и закричала:

– Папка, скажи, что это гениально!

– Да, – машинально ответил Дмитрий, разыскивая взглядом пианистку, но ее нигде не было.

Еще минут пять площадь неистовствовала, вызывая пианистку на поклон. Оркестранты тоже встали. Скрипачи стучали тростями смычков о пульты. На сцену взбежал конферансье и поднял руку с микрофоном. Зрители затихли.

– Дамы и господа! Думаю, что выражу общее мнение: такого яркого исполнения концерта Рахманинова Кинешма еще не слышала, – ведущий выдержал паузу, осматривая многолюдную площадь. – Именно поэтому, конгениальное исполнение гениального произведения дает право нашей гостье уйти по-английски.

Площадь загудела то ли одобрительно, то ли удивленно. Конферансье снова поднял руку и дождавшись тишины, властным тоном произнес:

– Мы благодарим оркестр Ивановской филармонии во главе с Сергеем Васильевичем Калеватовым и отпускаем артистов отдыхать. А нас еще ждет праздничный салют в акватории Волги.

– Папка, слышишь: салют еще будет! – Дана теребила отца, а он никак не мог соотнести реальность и внутреннее переживание только что отзвучавшей музыки.

– Да, салют. Я понял. – Отмахнулся от дочери и подумал: «Какая к черту измена Марине? Эта женщина вообще не может мериться такими категориями: она из другого мира. Инопланетянка. Ее можно боготворить и поклоняться ее таланту, как поклонялись в древности прекрасной Эвтерпе⁸».

Дана не переставала дергать за рукав:

– Папка, очнись: через десять минут салют начнется!

Дмитрий достал из портфеля мобильник и разблокировал экран. «Восемь неотвеченных вызовов».

– Черт! Я совсем забыл про деловую встречу.

Дана звонко засмеялась:

– Вот она, великая сила искусства.

Дома, сразу после позднего ужина, состоявшего из пиццы и колы, Дана заглянула в кабинет отца:

– Так. Слушай. – И заиграла на саксофоне одну из мелодий концерта Рахманинова. Запнувшись, смутилась: – На саксе, конечно, не так красиво получается: рояль с оркестром мощнее. А еще я в инете нашла эту пианистку: ее зовут Дарья Мухина. О, как она офигенно Листа и Брамса исполняет! – Дана снова заиграла. На этот раз звук слегка напоминал колокольчики.

Дмитрий отложил карандаш и посмотрел на дочь:

– Очень красиво. Что это?

---

⁸ Эвтерпа – в греческой мифологии одна из девяти муз, дочерей Зевса и титаниды Мнемосины, муза лирической поэзии и музыки.

– Опять, не так хрустально, как на рояле, – поковыряв в носу, Дана небрежно заметила: – «Женевские колокола». Из цикла про путешествия.

Дмитрий встал, подошел к секретеру, выдвинул нижний ящик, достал коробочку и открыл ее. Дана тут же подскочила к отцу:

– Что это за конструктор «Лего»?

Дмитрий ловкими движениями собрал деревянную модель:

– Собор Святого Петра в Женеве. Мы там были с твоей мамой в свадебном путешествии.

Дана с интересом покрутила модель в руках:

– Ух ты! Круто. Сам вырезал?

– Да. Давно это было. А помнишь, как мама пела? – Дмитрий убрал модель в ящик, закрыл секретер на ключ и вернулся за рабочий стол.

Дана щелкнула металлическим карабином, отстегнув гайтан⁹, и положила саксофон на кожаный диван. Выпрямилась, поставила ноги в третью позицию, приподнялась на носочках, словно встала на каблуки, и, закрыв глаза, запела:

– Дурманом сладким веяло, когда цвели сады, когда однажды вечером в любви признался ты...¹⁰

---

⁹ Гайтан – специальный ремень для саксофона.

¹⁰ Песня «Когда цвели сады» – композитор: Владимир Шаинский; слова: Михаил Рябинин, 1976 год. Исполнительница – польская эстрадная певица Анна Герман.

«Почему именно эту песню? – удивился Дмитрий. – Марина ее очень редко пела. Говорила: “Боюсь, ты меня разлюбишь и бросишь, как ту девушку”. А вышло – наоборот».

Дана начала путать слова и замолчала. Потом вздохнула:

– Я не помню маму. Это нехорошо, наверное?

– Тебе же всего пять лет тогда было.

– Но, почему-то, когда думаю о ней, то совсем не грустно.

Может, только самую малость.

Дмитрий улыбнулся:

– Я уверен, что ей меньше всего хотелось бы, чтобы ты грустила. Так! – он встал и похлопал по карманам брюк, – посуду из посудомойки расставила по местам?

– Ага.

– Тогда вперед, ко сну готовься.

– Я совсем не хочу спать, – заныла Дана, – ты, папочка, вообще иногда не ложишься, вот и у меня гены бессонницы взбунтовались. А гены, как известно, никуда не денешь.

– Прекращай о генетике размышлять в час ночи. А то я вспомню, что дед мой был казаком, возьму нагайку и пройду по твоей, как ты любишь выражаться, заднице.

– Папа! – захохотала дочь. – Как низко ты пал в моих глазах.

– Считаю до трех: оди-и-ин...

– И никакой нагайки у тебя нет.

– Два-а-а, – Дмитрий грозно растягивал слова и повышал голос.

– Все-все, меня уже тут нету, – Дана чмокнула отца в щеку, схватила саксофон и скрылась за дверью кабинета.

Дмитрий не мог уснуть. Встал. Прошел на кухню. Включил кофе-машину. За окном мягко стучали по карнизу редкие дождевые капли. Ветер с тихим царапаньем бился в оконное стекло. Вдоль дорожки, ведущей к воротам, утопали в кустах жимолости фонари.

В голове зазвучал рояль. Одновременно забытая и знакомая мелодия. К ней примешивалось желание уловить ускользающий призрак благополучного прошлого. Прошлого, где они с женой были счастливы, строили планы, мечтали. И ни малейших признаков надвигающейся беды. Воспоминание о музыке, рождавшейся сегодня под тонкими пальцами незнакомки, вновь заставляло осознавать одиночество.

«Зацепила. Могла пройти по касательной, но ударила точно в цель. Разве может обладать таким воздействием набор звуков, пусть даже и красивых? А пианистка... Почему не покидает ощущение, что мы встречались раньше». Впервые за семь лет без Марины Дмитрий допустил мысль, что рядом с ним может быть другая женщина. Хотя, нет! Не другая, а именно эта. Такая странная, недостижимая и манящая.

Следующие три дня Дана насаждала на отца с просьбой разыскать Дарью Мухину, чтобы взять у нее автограф: она нашла в интернете фотографии пианистки с концертов и со-

биралась завести фан-альбом.

– Я хочу с ней лично познакомиться.

– Как я буду ее искать? Объявления по городу развешу? – злился Дмитрий.

– Ты можешь своими связями воспользоваться, – не сдавалась Дана. – Этот, как его... Альфред Игоревич, для которого ты в День города посылку забирал. Помнишь? Вот его и попроси. А если откажет, то в следующий раз его поручения тоже не выполняй.

– Ты как об уважаемом человеке говоришь, дочь? – воскликнул Дмитрий.

– А что тут такого? – Дана пожала плечами.

– Во-первых, директора театра зовут Альберт Игоревич.

– Какая разница?

– Во-вторых, я не буду к нему с подобными вопросами обращаться. Это глупо: она выступила и уехала. Где она там живет? Вот туда и уехала. Все. Конец истории.

– Ну и ладно! Сама ее найду! – Дана выбежала из кабинета отца, хлопнув дверью.

Дмитрий пересел в кресло и задумался. «Странно: не замечал за Данькой способности легко сходиться с людьми. А тут один раз увидела эту пианистку, и теперь прям идея фикс: “Найди, да найди”».

***

Дочь к детскому садику так и не смогла привыкнуть, хотя его рекомендовали, как лучший в округе. Квалифицированный персонал. Материальная база на уровне: современные игровые комнаты, бассейн, даже кинотеатр свой с показом мультиков и развивающих видео. Жена сначала на пару часов отводила в группу, а сама за забором ждала. Даньки хватало, самое большее, на полчаса. Потом звонила воспитательница и сетовала, что ребенок плачет, не переставая, и просится домой. К психологу водили. И не к одному. Ничего не помогло. В итоге, решили не мучить ни себя, ни дочь: будет еще возможность пройти эту чертову социализацию. Марина переживала, конечно: ей пришлось на какое-то время работу в Москонцерте оставить, а без пения что-то в ней блекло, затухало. Пробовали няню взять, но их Данька на дух не переносила. Истерила пуще, чем в саду. Вот к домработнице привыкала сразу. Татьяна Юрьевна имела большой опыт работы с детьми и ангельский характер. И как-то сумела найти подход к капризному ребенку.

***

Вечером, когда Татьяна Юрьевна ушла домой, а Дана уснула, Дмитрий оделся и спустился в гараж. С полчаса бесцельно катался по городу, стараясь вспомнить, откуда он мог знать эту Дарью Мухину? Имя, вроде, знакомое.

Припарковался у здания театра. Включил аварийку и откинулся на сиденье, наблюдая, как мигающий оранжевый

импульс окрашивал дождевые нити. Дмитрия вдруг осенило:

– Точно!

Лет восемь назад жена рассказывала, что накануне выступления ее постоянный концертмейстер заболел, и срочно пришлось искать замену. Новым концертмейстером как раз и оказалась Дарья Мухина. Она студенткой тогда была. «Марина потом неустанно повторяла, что таких музыкантов, как Дарья, по пальцам можно сосчитать. Ну, дела-а... Как, оказывается, тесен мир».

Дома он осторожно заглянул в комнату дочери. Дана спала, разметавшись по кровати. Дмитрий поднял с пола одеяло и укрыл дочь. Поднялся в свою комнату. Пробовал уснуть, да так и пролежал без сна, вперив взгляд в потолок и чувствуя себя мальчишкой.

Глава 2. Москва-Кинешма

Дарья смотрела в окно каюты на удаляющееся под звуки «Прощания славянки»¹¹ здание Северного речного вокзала и вспоминала прошлое лето, когда их квартет гастролировал на круизном теплоходе по Волге. «Вот, правда говорят, нет случайных встреч: не зайти тогда я в тот музей...»

***

Концерты давали через день. В музыкальном салоне на носу средней палубы. На невысокой сцене как раз хватало места для четырех исполнителей: пианисту – за кабинетным роялем, скрипачу и виолончелисту – на стульях; контрабасист же от барного стула отказался: привык выступать стоя.

Слушатели рассаживались в обитые узорчатым жаккардом кресла, расставленные четырьмя полукруглыми рядами вокруг сцены. Боковые двери салона и дверь, ведущую в коридор, открывали: желающих послушать игру музыкантов из столицы было больше, чем вмещал зал.

За панорамными окнами медленно проплывали речные Волжские пейзажи, освещенные заходящим солнцем. При-

---

¹¹ «Прощание славянки» – русский марш, написанный в 1912 году штаб-трубачом 7-го запасного кавалерийского полка, стоявшего в Тамбове, Василием Ивановичем Агапкиным под впечатлением от событий Первой Балканской войны (1912—1913 гг.).

рода и музыка. Две родственные стихии: первая вдохновляет на создание второй; звучание второй всегда оживляет настраивания первой...

Дарья помнила, как во время исполнения «Элегии» Рахманинова¹² открыла глаза и увидела в окно возвышающуюся из воды колокольню.¹³ «Как такое возможно?! – в груди тоскливо защемило. – Она совсем одна. Как и я».

Теплоход подошел ближе. Ослепил всполох солнца, мелькнувший в узком проеме белокаменной свечи.

Когда последний аккорд растворился в воздухе, Дарья взяла лежащий на клавиатуре носовой платок и высморкалась под аплодисменты, заглушившие гул проходивших рядом с теплоходом моторок.

Обычно сразу после ужина, если не было выступлений, поднималась на солнечную палубу – там не так слышна музыка с дискотеки. Осторожно прикрывала двери конференц-зала, где шел показ очередного кинофильма. Переставляла плетеное кресло ближе к перилам, садилась и смотрела на воду.

Августовские вечера напоминали о приближении осени.

---

¹² С. Рахманинов «Элегия es-moll» (N 1 из оп. 3 «Пьесы-фантазии» для фортепиано).

¹³ Затопленная в советские годы при создании Угличского водохранилища колокольня Никольского собора, расположенная в городе Калязине Тверской области.

Плыли вдаль усталенные пушистым зелено-бурым лесным покровом берега. Постепенно окунались в сумеречную дымку и становились едва различимы. Усилился сырой запах реки. Вдалеке начала тоскливо кликать какая-то пичужка. То там, то тут вспыхивали огни: оживали небольшие деревушки.

«Никакие Эмираты и Багамы не могут сравниться с этой непритязательной красотой, – Дарья с наслаждением вдохнула прохладный воздух, встала, перегнулась через перила и всмотрелась в светящиеся в толще воды точки. – Если б можно было навсегда скрыться от *него* в этих загадочных глубинах...»

Экскурсии Дарья не любила. Всякий раз, когда теплоход причаливал к пристани очередного провинциального города, шла в музыкальный салон заниматься. Пятнадцать минут – гаммы, еще десять – упражнения Ганона,¹⁴ и можно переходить к программе.

В тот день вынуждена была ретироваться на берег: в музыкальном салоне молодежь играла в «Мафию», а в ее каюте, расположенной на верхней палубе, контрабасист Боря представлялся после вчерашнего первого в жизни сольного концерта «на воде».

---

¹⁴ Известный сборник упражнений французского музыкального педагога Шарля Луи Анона (в русской традиции фамилия произносится как Ганон), используемый при обучении игре на фортепиано.

Откинутый столик у окна ломился от яств: балык из сома под астраханскую водку в бутылке в виде осетра, тарелка варено-копченых раков, связка сушеной тараньки, вяленый жерех и синец. Тарелки мясная, сырная, фруктовая.

Дарья, как переступила порог, так и осталась стоять в дверях, зажав нос: «Боже мой! Мне придется не один день с открытым окном спать, чтобы выветрить эту рыбную вонь».

Она категорически отказалась присоединиться к подвыпившим товарищам по цеху, присовокупив в качестве «отступных» к столу, накрытому вскладчину, баночку черной икры.

– Дашка, останься! – добродушно пробасил контрабасист. – Там пёкло, а у нас пиво холодное. – Он любовно погладил пластиковый пузатый бочонок.

– Спасибо, – отмахнулась Дарья, – я на экскурсию схожу: говорят, здесь много интересного. – Схватила висевшие на крючке у зеркала плащ, сумочку и выскочила в коридор. Спустилась по узкой лестнице на главную палубу. Осторожно ставя каблуки между поперечными рейками трапа, вышла на пристань.

Почти сразу оторвалась от группы туристов и минут пять медленно шла вдоль нижней набережной. Остановилась, зачарованная бликами, коснулась нагретых солнцем чугунных перил и приложила ладонь ко лбу козырьком, вглядываясь в маленькую светлую точку на воде.

«Что это? Птица?» Точка приблизилась. «Какое свин-

ство! – Дарья разочарованно вздохнула: – Неужели не хватает урн: надо обязательно окурки кидать в реку? – Привыкший к самоедству ум тут же нашел очередной повод для самобичевания: – Сигарета, выброшенная за борт. Как символично: так же и я бесцельно плыву по течению жизни».

– Гера, ты скоро? – раздался за спиной женский голос.

Дарья резко обернулась.

Девушка в джинсовом костюме разговаривала по телефону, прижав его плечом к уху:

– Я место клевое подобрала, – она раскрыла объемный деревянный чемодан и достала холст. – Давай быстрее, пока солнце можно поймать, а то потом с тенями замучаешься.

Дарья потеряла похолодевшие ладони: «С ума сойти! Имя знакомое слышу и шарахаюсь, как от проказы». Она обошла нарисованные мелом на асфальте квадраты с цифрами и побрела дальше по набережной.

Внимание привлекла вывеска на вытянутом вдоль берега двухэтажном плавучем доме.

– Ботель. Ресторан «Мирная пристань», – прочитала вслух Дарья и еще раз повторила нараспев: – Ми-и-ир-на-а-я при-и-стань. Место, где спокойно и безопасно. – Развернулась и, пройдя причал для прогулочных судов, свернула направо. «Хорошо, что стоянка четыре часа: успею город обойти, и ребята, наверное, разойдутся по своим каютам».

Минут через десять подошла к двухэтажному зданию из

мелкого красно-бурого кирпича. Крыльцо пряталось от палящего солнца под арочным козырьком с причудливым кованым узором. Справа висела мраморная табличка с выгравированными мелкими буквами, от времени выглядевшими неряшливо.

– Памятник архитектуры второй половины девятнадцатого века. Дом призрения бедных. Городская богадельня и детский приют. Богородская домовая церковь, – прочитала Дарья. – Не слишком ли много для одного здания? – Поднялась по ступенькам и дернула за дверную ручку.

Внутри было прохладно.

– Есть тут кто-нибудь? – заглянула за администраторскую стойку и, не обнаружив никого, кроме кота, свернувшегося клубком на табуретке со свисающей до пола шалью, поднялась по лестнице на второй этаж, стараясь не стучать каблуками.

Небольшую залу заполняло солнце, просачиваясь сквозь драпированный тюль. На потолке крепились на планках светильники, направленные на увешанные картинами стены. «Портреты в золотистых рамках, весенние пейзажи и большая картина лунной ночи над рекой. Смотрят удивленно друг на друга и не могут понять, как оказались в одной компании. Пожалуй, надо вас развлечь».

У стены между двумя арочными проемами стоял черный рояль. Дарья подошла к нему, открыла крышку. Потом встала и по очереди заглянула в соседние залы – они пустова-

ли. Вернулась к инструменту. Села на круглую табуретку – та недовольно скрипнула. С минуту думала, что сыграть, и медленно погрузила пальцы в прохладные клавиши.

Задумчивая мелодия поднялась из недр рояля и включилась в неспешную беседу с аккомпанементом¹⁵. Увещевала. Спорила, наполняясь силой, словно обескровленная река в период половодья...

Когда отзвучал финальный примирительный аккорд, за спиной раздались редкие хлопки.

– Господи! – Дарья резко крутанулась на табуретке.

Перед ней стоял основоположник русской национальной оперы, сошедший с литографического портрета Петра Федоровича Бореля.¹⁶ Дарья открыла рот, намереваясь что-либо сказать, но язык не слушался. Она продолжала удивленно хлопать ресницами, осознавая, что со стороны наверняка выглядит глупо.

– Да-да! – импозантный мужчина в приталенном двубортном пиджаке, с черной бабочкой, плотно обхватывающей ворот белой рубашки, пригладил зализанные на косой пробор волосы с проседью: – Мне постоянно говорят, что я – вылитый Михаил Иванович!¹⁷ – Он почесал бороду и склонил го-

---

¹⁵ Ференц Лист «Утешение» № 5 Ми-мажор.

¹⁶ Петра Федоровича Борель (1829-1898 гг.) – русский живописец, акварелист, литограф, портретист.

¹⁷ Глинка Михаил Иванович (1804–1857 гг.) – выдающийся композитор, создатель русской национальной оперы. С 1837 года занимал должность капельмейстера Придворной певческой капеллы и вместе с А. Ф. Львовым заложил основы

лову, словно ожидал сорвать овации после удачно исполненной арии.

– Извините... – Дарья не знала, как реагировать. Она закрыла крышку рояля и хотела встать, но двойник композитора с неожиданной ловкостью очутился рядом.

– Нет-нет! – он мягко нажал на плечо Дарьи, – Сыграйте, пожалуйста, еще что-нибудь из Ференца.

– Я... – Дарья растерялась, – вы... – Она положила руки на колени.

– О-о! Я ввел вас в состояние смятения своим внезапно-быстрым появлением. Не так ли? – он широко улыбнулся и забавно пошевелил кустистыми бровями.

Неожиданно для себя Дарья расхохоталась. Гулким эхом ее смех облетел залы музея и спрятался где-то под потолком.

– Простите, я... – она не могла остановиться.

Незнакомец выжидающе смотрел и улыбался уголками губ. Потом достал из кармана пиджака кипенно-белый носовой платок и протянул Дарье:

– Прежде чем вы продолжите играть или смеяться – выберите сами, – позвольте представиться. – Он галантно шаркнул ногой: – Ваш покорный слуга, директор Драматического театра имени Александра Николаевича Островского, Аль-

---

музыкально-инструментального образования в России. Известные оперы композитора «Иван Сусанин» («Жизнь за царя») и «Руслан и Людмила», оказавшие огромное влияние на развитие русского оперного искусства, в 1836 и 1842 годах впервые были поставлены в Петербурге на сцене Большого императорского театра.

берт Игоревич Бескрайних.

Дарья пожала протянутую пухлую теплую руку с пальцами-колбасками:

– Дарья...

Альберт Игоревич не дал ей договорить:

– О-о! Я прекрасно знаю, кто вы: Дарья Мухина. С удовольствием слушаю ваши выступления на канале «Культура». И сольные, и в составе звездного квартета «Времена года». Какими судьбами в нашем захолустье?

Дарья, наконец, пришла в себя:

– Ну, Кинешма – прекрасный городок. И совсем не пахнет захолустьем. Я здесь, можно сказать, проездом: гастролируем по Волге как раз со звездным квартетом.

– О-о! Это большая удача, что мы с вами встретились: директор музея – моя давняя приятельница – пригласила на свой юбилей. А уже завтра отправляюсь в Москву по долгу службы: мой театр, видите ли, полностью обновляет декорации. У нас в Кинешме, к счастью для нас, появился замечательный спонсор, Дмитрий Рогов – успешный архитектор тридцати пяти лет от роду. Кстати, тоже москвич, как и вы. – Бескрайних широко развел руки, видимо, приглашая Дарью порадоваться за земляка.

– А что же он делает в Кинешме? – спросила она, чтобы поддержать разговор, хотя многословие директора начинало утомлять.

– О-о! Там, говорят, что-то личное. Что лечится только

переменной мест. По воле провидения ему в наследство достался дом на окраине нашего города. Вот он и уехал, знаете ли, из Москвы, воспользовавшись приглашением возглавить Ивановское архитектурное бюро.

– Я очень рада за господина Рогова. Вы меня простите, Альберт Игоревич, но боюсь на теплоход опоздать.

Бескрайних достал из кармана брюк круглые часы на цепочке и открыл крышку:

– У нас в это время только один теплоход по расписанию и отправится он через два с половиной часа. Уверяю вас, я собственноручно провожу вас до самого трапа, дражайшая Дарья... – Альберт Игоревич осекся.

– Николаевна, – Дарья машинально произнесла свое отчество.

– Да! Именно! И, прежде чем вы продолжите радовать мой слух музыкой великого Ференца, я хочу взять с вас слово, что когда-нибудь вы удостоите наш город более длительным визитом и обязательно дадите несколько концертов!

Дарья удивленно вскинула брови: «Так вот прямо с места в карьер?» – А вслух произнесла, приложив ладонь к сердцу: – Слово лауреата Международного конкурса пианистов имени Ференца Листа в Утрехте.

Альберт Игоревич разразился таким громоподобным хохотом, что Дарья не выдержала и подхватила его смех.

Потом они сидели в кабинете директора музея – пышногрудой Оксаны Сергеевны, и пили чай из самовара.

***

Дарья протянула руку к рычажку радио и тут же вздрогнула от громкого мужского голоса.

– На нашем теплоходе есть библиотека, детская игровая комната, бар – все предназначено для организации хорошего отдыха в круизе. Для желающих позагорать есть солярий на шлюпочной палубе, для любителей попариться – прекрасная сауна. Имеется, также, спортивный инвентарь. – Увлеченно вещал невидимый диктор. – В музыкальном салоне вас ждет концертная программа и другие развлекательные мероприятия.

Дарья выключила динамик: «Трудно развлекать других, когда у самой на душе кошки скребутся всеми четырьмя лапами».

Мысли снова увлекли в воспоминания. «Да, мой поспешный отъезд из Москвы был больше похож на бегство».

***

После очередного скандала с мужем Дарья позвонила Альберту Игоревичу и попросила об аудиенции. Бескрайних подумал, что она приглашает его в Москву, но Дарья сказала, что приедет в Кинешму сама.

На работе взяла отпуск за свой счет. Готовилась к отъезду, соблюдая все меры предосторожности: удалила с телефона ненужные приложения, отключила разрешения для приложений, которые отслеживают личные данные, отключила

джи-пи-эс, блютус и геолокацию; постоянно чистила куки, кэш и историю браузера. Пробовала скачать какой-то мудреный сервис, чтобы заходить в интернет невидимкой, но не вышло. Завела новый адрес электронной почты, поменяла все пароли... В общем, пришлось погрузиться в совершенно чуждый ей мир и постараться сделать все действия, о которых нашла информацию в интернете.

В день отъезда позвонила матери и сказала, что на месяц уезжает в санаторий в Подмосковье. Гера? Гера, как всегда, весь в работе. Как отпустил ее одну? А она не одна. С кем? С Варей, да, со своей лучшей подругой: она как раз и пригласила Дарью с собой за компанию.

Дарья знала, что Варвара вчера улетела на две недели в Европу с очередным бойфрендом. Так что, связи с ней сейчас нет.

После звонка матери Дарья сняла с пальца обручальное кольцо и выбросила в урну с мусором. Заблокировала сим-карту, трижды введя неверный пароль, вытащила ее, погнула и выбросила. Купила новую на чужую фамилию, заплатив несколько тысяч девушке, с которой познакомилась на остановке. Объяснила, что рассталась с парнем, и теперь он ее преследует. До вокзала добиралась на автобусе и трамвае, а там договорилась с частником. В дороге несколько раз меняла такси.

При встрече с Бескрайних объяснила, что какое-то время хочет пожить вне столичной суеты. Инкогнито. Сослалась

на очень сложный период в семейных отношениях. Альберт Игоревич лишнего не спрашивал. Уточнил только, готова ли Дарья принимать участие в музыкальной жизни города. Дарья согласилась при условии, что ни в прессе, ни в соц. сетях ее имя упоминаться не будет. И попросила Альберта Игоревича держать в тайне причину ее приезда. Директор театра помог неофициально снять квартиру, договорился о выступлении Дарьи на дне города и сосватал ее в качестве пианистки на несколько круизов по Волге, поскольку устраиваться на них через филармонию Дарья боялась.

«Петляю, словно заяц. Никогда не думала, что придется все эти шпионские штучки применять. Но лучше потерпеть временные неудобства, чем ходить и оглядываться, что Гера найдет меня, пользуясь связями».

Гера... При одном упоминании его имени где-то под ребрами начинал пульсировать болезненный комочек. От него липкой паутиной расходился страх. Дарья хорошо знала это ощущение: так бывало всякий раз, когда, словно черт из табакерки, появлялся муж.

Впервые Гера устроил сцену через неделю после свадьбы, приревновав Дарью к водителю такси, подвозившему их с банкета по случаю дня рождения друзей. На следующий день просил прощения. Но заметил, что Дарья сама виновата: нечего было этому водиле улыбаться. Дарья тогда подумала, что, действительно вела себя не очень сдержанно: замужняя

женщина, а смеялась шуткам таксиста, как девчонка.

Как-то раз они зашли в букинистический на Новом Арбате. Пока Гера изучал полки с книгами по бизнесу, пожилой продавец-консультант, узнав Дарью, сказал, что ее игра заставляет испытывать какую-то нереальную вселенскую любовь ко всему, и подарил трактат «О любви» Стендаля. Дарья видела, как лицо мужа, наблюдавшего эту сцену, покрылось пятнами. Скомкано поблагодарила продавца, спрятала книгу в сумку и отошла в дальний угол магазина.

Дома убрала томик Стендаля на верхнюю полку шкафа-купе в прихожей. Иногда, когда мужа не было дома, перечитывала случайно открытые страницы, всякий раз поражаясь, какие разнообразные формы может принимать эта пресловутая любовь. И расстраивалась от того, что, желая разобраться с тем, чем же на самом деле является это чувство, запутывалась ещё больше.

А срывы у Геры стали повторяться чуть ли не каждый день. То ему чудилось, что официант пялится на вырез Дарьиного вечернего платья, то продавец раритетных грампластинок в «Музыкальном магазине» на Ленинском проспекте сделал неоправданно большую скидку.

И всякий раз он обвинял Дарью, пеняя на то, что не научили ее родители правильным манерам. А иначе почему она дала кому-то до свадьбы?! Дарья в сотый раз рассказывала мужу ту историю. Клялась, что все вышло не по ее воле. И

она об этом очень сожалеет. Но Гера стоял на своем:

– Не хотела б не дала.

Однажды после концерта в Доме композиторов Дарья стояла в фойе с коллегами: обсуждали, куда пойти отмечать удачное выступление квартета в новом составе – контрабасиста на замену нашла она, подняв свои студенческие связи.

В разгар беседы к Дарье подошел скромно одетый мужчина и протянул корзину с белыми хризантемами:

– Я ваш поклонник. Это счастье – слушать, как вы играете!

Дарья не успела ответить. Словно из-под земли появился муж:

– Слышишь, ты, быдло, – закричал он срывающимся на тенор баритоном, – я запрещаю тебе так пялиться на мою жену! И заberi свой убогий веник!

Гера вырвал из рук Дарьи цветы и швырнул в сторону. Тупой звук удара о колонну, и хризантемы, вставленные в пропитанную водой губку, вылетели из корзины. Дарья чувствовала на себе недоумевающие взгляды коллег и готова была провалиться сквозь мраморный пол. Поклонник пролепетал что-то невнятное, быстро забрал в гардеробной свое пальто и исчез за входной дверью.

В ресторан Дарья не поехала. Дома заперлась в ванной и прорыдала часа два.

На следующий день Гера подарил Дарье необхватный бу-

кет бордовых роз. А вечером за ужином в ресторане торжественно вручил бриллиантовое кольцо в бархатной коробочке. Непривычно жалостливым тоном сетовал, что Дарья сама провоцирует на приступы ревности. Ну, зачем этот хлюпик ей цветы дарил? Зачем она ему улыбалась, делая больно собственному мужу, который ее любит?..

Через три месяца после свадьбы Гера впервые ударил Дарью. Она приехала к родителям, рассчитывая на поддержку, но мать выпроводила обратно к мужу, даже не выслушав объяснений дочери.

Гера принуждал Дарью к сексу. Возражений не терпел. Всегда получал свое. Он запрещал запереть ванную, когда жена мылась. Заходил голый, отодвигал дверцы душевой, накручивал мокрые длинные волосы Дарьи на кулак, выводил из кабинки, опускал на колени и брал сзади. Если она пыталась вырваться, угрожал сломать палец или руку. И она терпела, кусая в кровь губы и пуская молчаливые слезы.

Муж мог подойти на кухне, когда Дарья готовила, взять нож, развернуть ее к себе и, глядя в испуганные глаза жены, последовательно разрезать майку, шорты, трусы, лифчик. Потом опускал Дарью на колени и заставлял сделать ему минет. Она сдерживала рвотные позывы, но высвободиться не могла: Гера крепко держал ее голову и с неистовством насаживал на себя рот жены.

Кончал он всегда в Дарью. Она переставала дышать. По-

чти умирала. Потом на негнувшихся ногах шла в ванную. Тщательно полоскала рот и чистила зубы. Герман смотрел, как она моется и тихо постанывал, удовлетворяя себя еще раз.

Лучшая подруга, узнав, что Гера поднял на Дарью руку, равнодушно заметила:

– За такие деньги можно и потерпеть.

– Потерпеть? – опешила Дарья, – Мне приходится в жару носить блузки с длинными рукавами, чтобы скрыть синяки.

– Бьет, значит – любит.

– Варя, почему ты – моя подруга, встаешь на его сторону? – от обиды хотелось расплакаться.

– Потому что знаю, каково это – жить в нищете и считать копейки. А ты мужа, вон, какого отхватила и сидишь тут, жалуешься на жизнь.

– Я не на жизнь жалуюсь! – воскликнула Дарья. – Я с тобой личным поделилась!

– Тише, – Варвара прикрыла ладонью руку подруги и оглянулась на сидящих за соседними столиками людей. – Не устраивай спектакль: оно того не стоит – это все житейские дела. Не бывает идеальных браков, поверь мне: трижды проверяла. И с тех пор обхожу ЗАГСы стороной. Но раз уж ты выбрала этот хомут, терпи: жене такого мужчины надо научиться на многое закрывать глаза, а не витать в облаках. Тебе через два года тридцатник стукнет, а ты все в принцев

веришь.

Дарья убрала в сумочку мобильник и встала:

- Спасибо, дорогая, поддержала.
- На правду не обижаются, подруга.
- Извини, мне пора на репетицию.

Как-то Дарья осталась у Варвары ночевать. После пары-тройки бокалов вина подруга принялась смаковать интимные подробности отношений с очередным любовником и стала забрасывать Дарью нескромными вопросами. Та, не выдержав напора, краснея от стыда, поведала *как* именно предпочитает муж ее любить.

Выговорившись, Дарья заплакала:

- Я его ненавижу...

Варвара округлила глаза:

– Ну ты и дура... Любая баба все бы отдала, чтобы только завладеть таким необузданным кобелем: это же космический оргазм! А ты строишь из себя оскорбленную невинность.

Дарья посмотрела на подругу с недоумением:

- Издеваешься? Какой оргазм?
- Ты что, не кончаешь, когда он тебя трахает?!
- Нет! – Дарья схватила со стола стакан с соком и осушила его. – «Кто меня за язык дернул эти мерзости ей рассказывать?!»

Варвара хлопала накладными ресницами:

- Подруга, ты точно фригидная! Меня от одних твоих

слов заводит... Везет же некоторым такого мустанга заполнить в личное пользование.

Дарью обдало жаром:

– Ты считаешь, о таком кошмаре, в котором я живу, мечтает каждая женщина?!

– Да это сексуальный рай с ролевыми играми! – Варвара облизнула губы.

– Может, хочешь и местами со мной поменяться?

– Легко! – Варвара вскинула красиво изогнутые брови и громко засмеялась.

Дарья встала из-за стола:

– Я спать.

Ночью она проснулась от звука вибрирующего телефона; резко села на кровати, не сразу поняв, где находится. Трясущейся рукой нащупала на тумбочке мобильник:

– Алло, – голос дрожал.

– Что делаешь? – Гера говорил громко. В трубке звучала музыка, и слышался женский смех.

– Легла уже. Снотворное приняла. Завтра репетиция в десять.

– Ты там одна?

– С Варварой, – Дарья вышла в гостиную. На просторном диване тихо похрапывала подруга.

– Трубку дай ей.

– Она спит.

– Видео включи.

– Какое видео? Ты же на телефон звонишь.

– Черт! Ладно. Ты меня знаешь, если что.

– Герман Аркадьевич, вы скоро? – раздался из трубки вальяжный женский голос.

Муж кашлянул:

– Завтра отпросишься с работы. Заеду полшестого: у Кочетковых сыну пять лет. Мы приглашены. Все. Отключаюсь.

«Хоть бы ты отключился навсегда!» – Дарья поставила телефон на режим полета и легла. Обручем сжимало виски. По затылку горячей волной разливалась боль. Вспомнился день, когда узнала, что не сможет иметь детей.

После очередного приступа ревности Дарья заявила мужу, что завтра же подаст на развод. Гера на долю секунды оцепенел, уставившись злыми зелеными глазами, а потом со всей силы ударил жену ногой в живот. Дарья упала на ковер и, глотая слезы, повторяла, как заведенная:

– Все равно я с тобой разведусь.

Гера достал из стоящего в гостиной сейфа небольшой пистолет:

– Только попробуй, – зашипел он, ткнув дулом Дарье в висок, – убью и закопаю. И никто... Слышишь? Никто и никогда тебя не найдет!

Дарья стиснула зубы, чтобы не было заметно, как дрожит подбородок. Скулы свело. Перед глазами замельтешили

мушки. Голос мужа звучал как сквозь вату:

– А еще лучше запру тебя в подвале нашего дома и буду держать на цепи, как собаку.

Гера приподнял жену за волосы, ударил кулаком под дых и отшвырнул к комоду. Резануло низ живота. Дарья обхватила колени руками и застонала. Гера склонился над ней:

– Ты моя, слышишь? Как там говорят: «Только смерть разлучит нас»?

Последнее, что слышала Дарья, прежде чем провалиться в темноту, его лающий смех.

Утром очнулась в больничной палате и узнала, что потеряла ребенка. Мальчика. Проплакав весь день, поклялась, что найдет способ уйти от мужа.

Вечером приехал Гера с ведром ненавистных кроваво-алых роз и заявил:

– Ты сама виновата: нечего было мне угрожать разводом.

Дарья отвернулась к стене, давась рыданиями. Гера сел на кровать. Взял руку жены и поцеловал:

– Домой вернешься – дальше будем пробовать: мне нужен наследник.

– Не будет у нас никаких наследников: врач сказал, что я больше не смогу иметь детей.

– Сможешь: я всегда получаю то, что хочу.

***

В дверь каюты постучали. Дарья вздрогнула: «Кто это?»
– Дарья Николаевна, вы здесь?

«Уф...» – вздохнула с облегчением, встала, подошла к двери и открыла замок.

На пороге стоял Степан Бровкин. Он учился в аспирантуре Московской консерватории на кафедре сольного пения. А еще был неплохим пианистом: в свое время закончил два отделения музыкального училища. И успел отслужить в армии.

Дарья нашла его через интернет месяц назад. Гастролировать со своим квартетом боялась: Гера обязательно от кого-нибудь узнает, где она.

Степана попросила не афишировать, с кем он работает в летние месяцы: это было условием, на котором она берет его в круизы.

– Дарья Николаевна, по радио на обед позвали. Пришел вас проводить в ресторан.

– Не стоило, но спасибо, – улыбнулась Дарья.

В переписке в соцсетях и на первой очной встрече Степан наотрез отказался обращаться к Дарье *только* по имени, пояснив, что боготворит пианистку Дарью Мухину и хочет проявить к ней максимальное уважение. «Какой он странный», – подумала Дарья и заявила, что в таком случае будет обращаться к Степану исключительно на «вы».

Они прошли в носовую часть главной палубы. Дарья оглядела красиво сервированные столики: «Белоснежные скатерти и салфетки, закрученные в причудливые ракушки, как начальные пассажи в “Фантазии-экспромте” Шопена»¹⁸.

Степан налил в ее тарелку дымящийся куриный бульон из супницы, а сам принялся аккуратно нарезать небольшими кусками говяжий стейк:

– В половине четвертого приходим в Углич. Там на выбор две экскурсии можно взять. «Углич терракотовый, Углич изразцовый». Это обзорная пешеходная экскурсия в Кремль с посещением церкви царевича Дмитрия, Палат дворца удельных князей пятнадцатого века, выставочного комплекса «Угличский край в десятом-начале семнадцатого веков»; и еще выставочный комплекс «Угличский край в семнадцатом-девятнадцатом веках».

Дарья удивилась:

– Степан, как вы это все запоминаете?

– Ничего особенного: у меня бабушка – искусствовед. С трех лет по музеям таскала, да и память у меня фотографическая. Так вот, Дарья Николаевна, второй вариант экскурсии такой: «Изысканные забавы великопоставленной особы». Тоже обзорная пешеходная экскурсия в Кремль, но более светская. С возможностью почувствовать атмосферу балов, маскарадов и салонных игр времени Екатерины Великой. В анонсе указано, что программа с угощением. – Сте-

---

¹⁸ Ф. Шопен «Фантазия-экспромт» до-диез минор (соч. 66).

пан расплылся в добродушной улыбке. – Что вы выбираете, Дарья Николаевна?

Дарья смутилась:

– Если честно, то я не особый любитель экскурсий. Может, лучше пойдем в кинозал порепетируем, пока все будут знакомиться с достопримечательностями города?

Степан отложил приборы на край тарелки, поправил круглые очки и строго посмотрел на Дарью:

– Дарья Николаевна, только честно: вы хотя бы одну экскурсию в Угличе посещали?

Дарья отрицательно покачала головой.

– Тогда вы просто обязаны это сделать: Углич – очень красивый город, богатый историей и памятниками архитектуры. Он вдохновляет, облагораживает и заряжает позитивной энергетикой.

Глаза Дарьи расширились.

– Ну, вы и завернули, Степан. Не первый раз в этих краях?

– Я утром пару-тройку видео на Ютуб посмотрел.

– Вижу, вы не только к концертам так усердно готовитесь?

– Да, в какой-то степени я педант и зануда, – Бровкин взял со стола белый кувшинчик и методично полил каждый кусок мяса клюквенным соусом. – Но в данном случае я хочу максимально помочь вам хорошо отдохнуть за время круиза и набраться новых впечатлений.

Дарья украдкой осмотрела ресторан, пытаясь понять, слышал ли кто-нибудь их разговор: «Чего я озираюсь? Геры же

здесь нет. Боря просто учтивость проявляет; без всяких там пошлостей. Да и разница в возрасте у нас почти шесть лет». Убедившись, что все гости были заняты едой, она согласилась:

– Хорошо, Степан. После такой пламенной речи мне точно придется узнать об Угличе побольше.

Глава 3. Углич

Дарья решила пойти на обзорную пешеходную экскурсию с посещением церкви царевича Дмитрия: не было желания становиться участницей программы «с угощением».

По радио объявили, что теплоход пришвартовался, и туристов уже ожидают на причале сопровождающие с табличками. Дарья заперлась в каюте, боясь, что Степан придет за ней. Приоткрыла окно, задвинула шторы. Дождалась, когда на палубе затихли голоса, и вышла на причал. Держалась в отдалении от экскурсионных групп. Подойдя к высокому крыльцу, юркнула в прохладу церкви. «Слава Богу, тут с другого теплохода туристы». Прислушалась. Звонкий проникновенный голос экскурсовода вещал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.